

ВЛАДИМИР СКИФ

ГЛЕБ ПАКУЛОВ И ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Из книги “Байкальское Переделкино”

Глеб Пакулов не только мой собрат по перу, но ещё и товарищ по морскому братству.

— Вовка! Ты парень флотский, и мы с тобой одной крови, — часто твердил мне Глеб и пьяный, и трезвый. А ещё нас объединяло байкальское содружество, где мы называем себя гордым именем — байкальчане.

Глеб купил на Байкале дом одним из первых, кто обосновался в порту Байкал, и привечал всех, кто к нему приезжал в любое время дня и ночи, летом, осенью и даже зимой. Кто только у него не гостевал, кто только не заглядывал: писатели Виктор Петрович Астафьев со своей женой Марией Семёновной Корякиной, Евгений Иванович Носов, Николай Воронов, писатели-иркутяне Валентин Распутин, Александр Вампилов, Геннадий Машкин, Станислав Китайский, Евгений Суворов, Владимир Жемчужников, Валерий Хайрюзов, Борис Лапин, Анатолий Байбородин, Ростислав Филиппов, Сергей Иоффе, Пётр Реутский, московские поэты Владимир Соколов, Николай Котенко, Георгий Кольцов, автор пьес Владимир Удатов, директор Иркутского театрального училища Александра Даниловна Коновалова, художники из Красноярска и Перми — Николай Худенёв и Анатолий Тумбасов, священник Николай Евдокимов, польские книжники София Рустецка и Мария Рычковска и многие-многие другие.

Жил Пакулов со стороны Ангары в Молчановской пади, как говорят местные, у Шаман-камня. Дом, который он приобрёл, вызывал у многих неподдельное восхищение и добрую, белую зависть. Дом был просторный, чистый, обихожённый, как большая четырёхкомнатная квартира. Да, наверное, лучше, чем квартира. Когда я впервые попал во двор дома и, пройдя через калитку, остановился у небольшой скамейки, на сиденье которой яркой голубой краской было написано: “Сядь, подумай, или уже не о чем?”, — то мне, действительно, захотелось на неё присесть, осмотреться вокруг и углубиться мыслями в себя, а осмотреться стоило.

Тишина, стоявшая в распадке, и эта возвышенность, на которой царствовал дом, — всё располагало к блаженству души и размышлениям о смысле жизни. Внизу сверкала необыкновенным сиянием Ангара, к ней по правой стороне густо сбегали берёзы, ольха, рябина и вкрапленные в них стройные, позолоченные сосны. Левая сторона распадка, покрытая травой и мелким ку-

старником, привлекала местных жителей хорошими покосами, и там к середине августа вырастали духмяные зелёные копны.

Глеб с неизменным хлебосольством приветчал своих гостей — и великих, и малоизвестных, и пьяных, и драных — всех, кто не миновал этот гостеприимный дом. Его жена Тамара, которую он ласково звал Тусик, и теща Ольга Евстафьевна не перечили ему в этом, а наоборот — принимали друзей Глеба, как своих собственных. Ольга Евстафьевна славилась своими знаменитыми рыбными расстегаями, а Глеб был известен на всю округу как отменный рыбак. Рыба к нему и, прежде всего, хариус, шла даже тогда, когда никто не мог поймать ни рыбины. Глеб самостоятельно готовил самые разные мушки. Из какой только шерсти, волос, перьев, начёсов он их не готовил!

В доперестроечное время на глебовской даче, как минимум, пять раз гостил великий русский писатель и такой же, как Пакулов, завзятый рыбак Виктор Петрович Астафьев. Приезжал он и один, и со своей супругой Марией Семёновной Корякиной. В самом начале семидесятых он побывал у Глеба в первый раз, и с тех пор его тянуло на Байкал, как в родную деревню Овсянку. Виктор Петрович всякий раз мечтал хотя бы на недельку примчаться на великое наше озеро, порыбачить, потягаться с Глебом, посоперничать: кто кого? В этих поездках Астафьев встречался у Глеба на даче и в Иркутске не только с Распутиным, но и с другими иркутскими писателями: Машкиным, Суворовым, Жемчужниковым, Лапиным, Иоффе.

Обычно после чудных, незабываемых путешествий в Прибайкалье он писал Глебу письма, в которых искренне восхищался Байкалом и Ангарой, горами и тайгой, травами и цветами и непременно рассказывал о своих житейских делах, о родственниках, о планах на будущее, о поездках по стране и за границу, о радостных и трудных писательских буднях:

“15-го июля 1974 г. Вологда.

Дорогой Глебушек!

Кланяюсь тебе из далёкой милой Вологды, где ныне стоит прекрасная погода, и, после двух лет бедствий, всё очень хорошо растёт и не может нарадоваться себе каждая травинка, каждый листик и цветок. Природа здесь бедная, по сравнению с Сибирью даже убогая, и оттого всякая Божья кара особенно обнажает её, делает совсем нищенской и неприкрытой. Нищеты-то в годы бедствий и на Байкале не меньше, но там её прикрывает буйноцветье, громады гор и девственно-чистая вода, в которой, наверное, создатель омывал новорожденных ангелов, прежде чем пустить их в небо, и оттого у них такие белые, нежные, лебединые крылья (а бабьи зады — это уж от немецких харчей, от картошки, в частности).

У меня в глазах всё ещё колышутся склоны гор в голубых проблесках и волнах от незабудок с жарко польхающими полями жарков, с кострами багульника и белой пеной таволожника, и всё ещё ощущаю вкус воды, которую я хлебал из ладоней, и, наверное, после меня Ангара убыла маленько.

*Прекрасная поездка. Много осталось в памяти и для памяти, и главное, что все были нам с Женей (писатель Евгений Иванович Носов. — **В. С.**), как родные (иркутяне): и Гена (Машкин. — **В. С.**), и Валя (Распутин. — **В. С.**), и Боря (Лапин. — **В. С.**), и Володя Жемчужников — все, все. Спасибо за такое дело. Меня уже с истинными родичами больше разъединяет, чем объединяет — опять мирил тёток своих, опять увещевал их, ругал, стыдил. Пока было горе, нужда — жили дружно, а теперь наелись маленько (испились даже больше, чем наелись) и вот сводят какие-то счёты. Тяжело мне с Женей стало и, как ни прискорбно себе это сказать, в родную деревню не поеду, сколь выдержу, во всяком случае, на будущий год — шабаш.*

В дороге из Иркутска я подпростыл, в Красноярске и в селе добавил и свалился (снова обострение пневмонии, которого я так боялся ещё на Байкале), — полежал даже в больнице, но выпросился домой и вот уж более недели дома. Лечусь, но хожу ещё плохо, в лес и на речку нельзя, однако думаю с 1-го августа всё же уехать на озеро, в деревню и поработать до сентября, а там предстоит поездка в Польшу.

Вчера перебирал своё “имущество” и подержал в руках коробочку Саши Вампилова — как-то светло и печально на душе стало. Все мы какие-то странные люди, общаться друг с другом не умеем, добрые слова, в которых нужна

такая у всех, говорим припоздало, чаще вослед ушедшему, а надо бы?.. Как надо-то? А никак! Как есть, так и есть. Вот мы встретились, порыбачили, по-матерились маленько, поглядели друг на дружку, и вроде бы праздник какой был, только, как и всякий праздник, пролетел он быстро и в угаре...

Глебушек! Я шлю тебе свою книжку, самую “толстую”, и надеюсь, что ты всё же не всех хариусов выловишь и хоть одного оставишь на мою долю, — мы с женой всё же собираемся поехать к бурятам на Байкал в будущем году, — я подлечусь весной в Крыму, окрепну и двинем, а там, глядишь, на пароходике и к тебе завернём!.. Ну, не будем загадывать!!!

Я дочитываю книгу Володи Жемчужникова “Чистые кедрачи” — очень она мне понравилась, бесхитростная, добрая и с “голосом” только Володиным — мне даже захотелось о ней написать куда-нибудь доброе слово, что я и сделаю, если будет время и здоровье, а пока лишь отвечаю на письма, да написал два коротких предисловия к книгам моих иркутских семинаристов — Суворову и Суханову.

Глебушек! Письмо, сколь бы оно длинно ни было, всё равно ничего не передаст и не расскажет!.. Просто поклонись от меня Байкалу, залови самого большого хариуса на мой “загад”(когда будешь бросать, загадай — “на такого-то мудака!..) — и вот увидишь, выловишь большую рыбу..

Ребятам всем поклоны и поклоны! Будь здоров и счастлив. Я знаю, чем дальше в зиму, тем подробней и ярче я буду всё вспоминать, и Женя уехал домой размятённый, тихий и с обострённой язвой.

Ну, обнимаю и целую тебя, твой Виктор Петрович.

Поклон твоей супруге и теще”.

Не все письма сохранились, но в тех, которые есть, Виктор Петрович с неподдельной любовью относится к Глебу Пакулову, да и к другим писателям-иркутянам. А Глеба всё-таки он любит больше всех. Как-никак, такой же, как и он сам, рыбак. А рыбак рыбака видит издалека! Да и не худший российский писатель — Глеб Пакулов. Конечно же, это чувствовал своим особенным чутьём Виктор Астафьев. Нюх на талантливых людей у него был обострённым. И вот ещё одно письмо, написанное Астафьевым после его приезда из Курска, где он 15 января 1975 года праздновал 50-летие выдающегося русского писателя Евгения Ивановича Носова:

“Февраль 1975 года.

Дорогой Глеб!

Я только что вернулся из Курска от Евгения Ивановича, праздновали его юбилей, вспоминали чудесное лето, Байкал и порешили: ни к каким бурятам не ездить, что мы у них будем делать? А поехать к вам, тремя парами: я с женой, Женя с женой и наш добрый друг, чудесный мужик — Миша Колосов с женой (он работает ныне замом в “Литературной> России”). Бабы у всех избалованные, уживчивые и не вредные, точнее — в меру вредные. Нам очень хочется вас всех повидать, неторопливо порыбачить, а бабам — Байкал посмотреть. Наметили мы август месяц — у Жени жена работает, Миша и жена его тоже люди трудовые и от отпуска зависимые.

Ежели эти пары распадутся из-за нездоровья или ещё отчего, тогда мы приедем вдвоём с Марьей Семёновной. У меня одна лишь просьба к тебе — известить, когда изволит пребывать в краях ваших месью Воронов? Я терпеть его не могу, а моя жена и того больше, не терпят и все мои остальные друзья и нигде, а тем более в родной Сибири, мы не хотели бы его видеть и встречать.

Больше никаких особых условий нет — удочки привезём.

Лодка у тебя есть, водки и хлеба купим.

Я уютно сижу в деревне и работаю. Над камином у меня висит карта Байкала, а слева от неё — карта Вологодской области, путешествую. Добиваю “Царь-рыбу”, никак у меня не хватает куска времени докончить её. В феврале (в конце) еду в Белоруссию на совещание, и потом опять в село, за работу. Хочу переделать все дела, чтоб со свободной душой потом поехать к вам в гости.

Получил от Вали Распутина большое и умное письмо, он тоже в деревне. Боре Лапину передай поклон и скажи, что рассказ я ему раньше марта не смогу прислать.

Написал большую новую главу (начерно) в “Последний поклон” — называется она “Те далёкие детские игры”, а то совсем уж все серьёзные стали и забыли писать об играх, да и сами игры забыли, а они, как изволил написать “аз грешный”, и есть слепок жизни.

Всем широко кланяюсь! Всех обнимаю! В. Астафьев.

Р. С. Черкни мне домой — почту жена привозит”.

И хотя летом 1975 года поездки с друзьями, которую намечал Виктор Петрович, не получилось, он смог всё-таки приехать к Пакуловым вместе с женой, писательницей Марией Семёновной Корякиной. Это была его последняя, но самая весёлая поездка на Байкал.

У Пакуловых на даче всегда жили небольшие собачки: то Мультик, то Кешка, хотя одно время они держали огромного, умного пса, помесь волкодава с овчаркой по имени Ксар. Это имя скифского полководца из романа Глеба Пакулова “Варвары”. С собаками тоже связано много историй. Мультик был самый преданный Глебу, а Кешка служил доносчиком. Его в своём письме к Глебу упоминает даже Виктор Астафьев.

Так вот, Глеб очень любил посидеть на берегу с деревенскими мужиками. Они его ценили за ловкость и умение ловить рыбу в любую погоду. Бывало, встретятся на берегу трое-четверо рыбаков, кто с водкой, кто с самогонкой, и раскроют скатерть-самобранку. Выпивают, спорят, хвалятся уловом, рассказывают былички и анекдоты. Глеб седлает своего “конька”, и вплоть до темноты его из этой компании не выкурить. Тамара ждёт, нервничает, уже ни зги не видно, а его всё нет и нет.

Застолье даже при малой видимости ещё не угасает, и сворачивать его никто не торопится. Вдруг из темноты выныривает Кешка, хватая пробку от бутылки и улепётывает на гору к Тамаре. Там он, покорно склонив голову, вручает вещественное доказательство хозяйке дома, и Тамара в крайней разгневанности идёт за Кешкой туда, куда надо.

Над мужиками и Глебом разражается гроза с молниями, импровизированное застолье сворачивается. Все расходятся, благодаря Тамаре, по домам. Мужики извиняются, а Глеб шипит на Кешку:

— Предатель! Кагэбэшник! Иуда! Повешу на осине!

Кешка, не обращая внимания на рассерженного хозяина, бежит рядом с Тамарой, зная, что непременно получит от неё косточку или крылышко, или, на худой конец, кусочек пирога с рыбой. Тамара, подобрешая и спокойная, что муж жив-здоров, поднимается на гору и Кешку наградить не забывает.

Астафьев с великой радостью ждал встречи с Байкалом, с Ангарой, он вожделел этой встречи и, конечно же, готовился к ней, как истинный рыбак. Он так и рвался на Ангару, которая славится щукой, ленком, тайменем, хариусом. А что рыбаку надо? Чтобы у глаз колыхалась волна, вспыхивала тонкой молнией леска, вздрагивал поплавок и, отягощённый, уходил под воду. Не торопись, но и не медли, подсекай осторожную рыбину и вытаскивай её, блестящую, на берег.

На второй день после приезда Глеб повёл Астафьева на рыбалку, собрав перемётную суму и наполнив всем необходимым, что нужно рыбакам в желанные часы ловли и необходимые минуты перекуров.

— Тусик, ты за нас не волнуйся, мы перекусим на берегу, — успокоил он Тамару и похлопал по туго набитой брезентовой сумке.

— Виктор Петрович, вы не слушайте его, — сурово, но сдержанно сказала Тамара, — приходите, как только захотите поесть.

— Спасибо, Тамара, разберёмся, — улыбнулся Астафьев.

Пошли под гору, за ними увязался Кешка. Глеб остановился, зыркнул на него глазами:

— Вот, Виктор Петрович, это — Кешка, мой лучший друг в кавычках.

И Глеб рассказал, кем служит Кешка и у кого работает на посылках. Астафьев удивился и засмеялся, глядя на Кешку:

— А он и вправду умный пёс! По рылу видно.

Виктор Петрович с Глебом колдовали на берегу, а Кешка следил, скоро ли будет “накрываться стол”. Что-то давно уже он не видел хозяина в боль-

шой компании. Кешка неотступно наблюдал за Виктором Петровичем, чувял, что его присутствие непременно станет причиной застолья, и когда тот наконец-то выловил свою первую добычу — сверкающего ясной чешуёй хариуса весом, примерно, с килограмм, — то Кешка вытянулся в струнку.

— Ура! — закричал Виктор Петрович, — какой красавец!

— Ну, вот, скоро начнут обмывать, — успокоившись, подумал Кешка, — этому пузатому везёт. Сейчас второго выдернет.

И точно. Виктор Петрович буквально через пять минут вслед за первым выловил второго, изогнувшегося дугой хариуса.

Вдали появился рыбак. Кешка знал его хорошо.

— Каскадёр появился. Эх, ещё бы Паша Жёлтый да Белянушкины подошли — стол точно будет! — радовался Кешка назревающей работе.

Берег Ангары и всех рыбаков в одночасье, как чайка, облетела весть, что рядом с ними удит рыбу сам Виктор Астафьев. Подошли и Паша Жёлтый, и Белянушкины, сначала Виктор, а за ним Виталья, Мишка Мулганеев и набежал Толя Толстоухов, хотя рыбаком особым не слыл, но жил в доме на Ангаре, который потом сгорел в самом начале перестройки в праздник Первого мая, а Толя долгое время оставался бездомным. Из усадьбы, расположенной на самом берегу Ангары, буквально выпрыгнул издатель Николай Есипёнок.

— Ну, вот и все в сборе, — радостно поскуливал Кешка, — начинайте!

Мужики собрались в тесный кружок: кто-то знакомился с Петровичем, а кто-то здоровался с ним, как со старым другом. Все жали друг другу руки, хвалили Астафьева, поздравляли с первой удачей. Тут Глеб, заметив Кешкину радость, заорал:

— Мужики, идём к моему гаражу! Там сядем у лодки, как у стола, и обмоем улов Виктора Петровича.

Кешка завилал хвостом и преданно, с любовью посмотрел на хозяина. Он-то верил — хозяин не подведёт. Будет раскрыта первая бутылка, и вторая, и третья. Но Кешка знал, ни от первой, ни от второй, ни от третьей бутылки пробки он таскать не будет. Во-первых, должно стемнеть, а во-вторых, у него была своя, давно отработанная тактика. Он необыкновенным чутьём всегда чувял последнюю бутылку. И полагал, что сегодня их будет четыре. Вот её-то он и ждал.

Глеб раскрыл бутылку, а пробку положил к себе в карман. Кешка задумался. Раскрыли вторую бутылку. И хозяин опять положил пробку в карман. Кешка опустил голову на лапы и стал ждать, что же будет дальше?

— Может быть, рвануть сейчас и утащить всю бутылку, — подумал он, — нет, бутылку не унесу. Подожду.

Веселье было в самом разгаре. Виктор Петрович рассказывал свои байки, не менее интересные, чем у Глеба. Мужики хохотали. Глеб раскрыл третью бутылку, медленно спрятал пробку теперь уже в нагрудный карман и показал Кешке фигу.

— Вот тебе. Больше бутылок нет! И пробок ты тоже не увидишь.

Кешке этот жест был не по душе. Он не стал вилять хвостом, а, презрительно фыркнув, затрусил на гору.

Кто кого здесь перехитрил, я не знаю. В разгар пирушки Глеб достал и четвёртую бутылку, но распечатал её, только удостоверившись, что Кешка удалился. А может, и вправду Кешка перестал работать доносчиком. Он чувствовал, что будет четвёртая бутылка, интуиция и обоняние никогда его не подводили. Но он ушёл в гордом одиночестве и на этот раз без пробки.

Тем не менее, Тамара тут же появилась у гаража.

— Всё, мужики, хватит. Мы Виктора Петровича заждались. А ты можешь оставаться в гараже, — обернулась она к Глебу, — и Кешку не ругай, он ничего мне не говорил.

Виктор Петрович радовался тому, что поездка на Байкал удалась. У себя дома он был полон веселья, памятных рассказов сельчан и шуточных быличек Глеба. Из Вологды он отправил ему новогоднюю открытку с исключительно жизнерадостным текстом, где не забыл упомянуть и байкальского народного героя Кешку:

“Дорогой Глебушек!

Пусть мчится твоя жизнь ближе к лету, как эта лихая тройка, и чтобы прямо в Ангару, и харюза за зебры, да на строганину! Словом, клёв на удачу!

Водка за губу! Книгу в печать! Бабу в роддом! Кешку-стукача на живодёрню! Тёщу на икону! Сам в лодку и на ту сторону... за хлебом!

Во! А ещё здоров будь и не кашляй! У нас теперь морозно – мы за вас станем кашлять и чихать. Я живу в трудах, зарабатываю “отгулы” на лето, бо купил избу в родной деревне со двором и буду в бане тренироваться ловить рыбу из шайки, а потом как поеду за Саяны, на Байкал, да ка-ак закину в реку уду, да как выну сапог, а в сапоге – поллитра, а в поллитре – водка, а в водке – бутерброд, а в бутерброде – золотой, а в золотом... не знаю чё... Словом, живу ожиданием лета и, как чудо, вспоминаю неделю в Иркутске и на Байкале. Ещё 10 дней в родном селе отдохнул и всё. Так и живу, едрёна мать, “свободный художник”.

Лобызая тебя в плешь. Твой Виктор Петрович”.

Глеб не только умел ловить рыбу, но очень хорошо знал и умел собирать байкальские грибы. Когда мы только-только осваивали свой дачный дом и его окрестности, Глеб рассказал нам, какие на Байкале водятся грибы и какие стоит собирать для засолки или для жарёхи. В своё время я с великим удовольствием прочитал книгу Владимира Солоухина “Третья охота” и, конечно же, знал многие грибы и по виду, и по вкусу, но некоторые из тех, о которых нам рассказал Глеб, в моём Куйтунском районе не водились.

Начинал свой разговор о грибах он примерно так:

– Гриб любит, чтоб его поискали, ну, а если уж нашёл его, то бери и будь благодарен лесу. В лесу не ругайся, не матерись, говори только хорошие слова – тихие и прозрачные. Глянем, какие грибы вы принесли? – и он начинал разбирать нашу корзину, когда мы прямо из леса заглянули к нему и были приглашены его тёщей Ольгой Евстафьевной и женой Тамарой на чай с рыбными расстегаями.

– Это что за гриб? – достал я тёмный, почти чёрный гриб, по виду напоминавший груздь.

– Ну, милый мой! – это по-местному чернушка, чёрный груздь. Очень хороший гриб, только его надо хорошо вымочить. В засоле он тёмно-вишнёвый, почти фиолетовый. А под водочку как идёт! Мухой! А вот сыроежка. Их в лесу много, и по цвету они всякие: и жёлтые, и розовые, и красные, и оливковые. Слушайте, вот это просто чудный грибок! – и он достал из корзины валуй. – Местные называют валуи бычками. И вправду они, особенно недавно народившиеся, такие округлые, крутолобые, как молодые бычки. Он в раннем возрасте упругий, скользкий, сопливенький, а потом, вырастая, становится сухим и плоским. Бычок хорош в засоле и тоже под неё же – родимую, незаменимую, – срифмовал он экспромтом.

– Вот рядовочка, – Глеб указал на гриб, похожий на сыроежку, но менее хрупкий, чем сыроежка, – рядовка бывает только одного цвета, она сизая, сталистая, а это козляк! Есть гриб-моховик, близкий к маслятам, а козляк ближе к моховику. У того и другого подшляпник, как губка, только у козляка губка крупно-пористая, а у моховика – помельче.

– Лисичка, – Глеб достал единственный в нашем арсенале подобный гриб, похожий на маленький граммафон, – лисичек у нас мало, но изредка встречаются. Встретишь – бери! А это мохнатенькая подружка-волнушка.

– Волнушку мы знаем, – вступила в разговор моя жена, – жалко только, что белых груздей нет в нашем лесу и жёлтых, еловых мало.

– Да, Женечка, – ответил ей Глеб, – за груздями надо ехать к Вовке, в Куйтун или Тулун, – там их море. Подосиновик и подберёзовик – хорошие, ценные грибы. Их бери с уважением и благодарностью. Только старый подберёзовик плох, быстро пропадает, а подосиновик и большой хорош, – Глеб потрогал крупный, шляпистый подосиновик.

Я достал гриб с увесистой коричневой шляпкой и толстенной ножкой:

– Глеба, у дороги мы нашли вот этот странный гриб и сомневаемся: брать – не брать. Решили тебе показать.

– О-о-о! – длинно пропел Глеб, – ребята! Это же царь грибов, белый гриб! Он почти не бывает червивым.

– У нас в Куйтуне они не водятся, – заметил я.

– Ну, то Куйтун, а то Байкал! Разумеешь? – и Глеб горделиво засверкал глазами. – Царский гриб обязательно должен быть при царе. А кто такой Бай-

кал? Царь! – он вскинул руку с поднятым в небо указательным пальцем. – Теперь белые царские грибы и у нас на Байкале есть.

Когда-то, действительно, белых грибов на Байкале фактически не было. Но, видимо, меняется климат, видоизменяется что-то в нашей природе. Чёрных груздей раньше было видимо-невидимо. А сегодня их стало меньше. Зато появилось белые грибы. Пойдём с женой в лес и приносим за один раз по 50-70, отборных белых грибов, а нынче летом их особенно много. Позавчера мы принесли 103 красавца-гриба. Да все, как на подбор, ладные, упругие, с яркими то оранжево, то красно-коричневыми шляпками и толстыми, широкими ножками.

Что только не делает с ними моя искусница-жена: крупные, холёные грибы режет на сушку, рассыпает в пустые коробки от конфет и сушит на солнце, а маленькие, крепенькие маринует, да так, что не оторваться от банки, самые большие – жарит. А совсем недавно средние по размеру грибы стала ещё и замораживать в небольших пластиковых контейнерах. Зимой вынешь такие грибы, а они, как будто только из лесу, – целенькие, красивые, запашистые!

Моя жена Евгения Ивановна – грибница необыкновенная. Она собирает корзину грибов даже тогда, когда никто не собирает. Может пойти в лес вечером часов в девять, а в 10 выходит из него с полной корзиной. Причём она всегда повторяет свою неизменную присказку после того, как находит белый гриб: “Спасибо, лесок, что дал мне грибок!” И я думаю, что и Байкал, и байкальский лес слышат её поговорочки, и грибами никогда не обделяют. Иногда ищем грибы с ней вместе, я уже подустал, звоню или кричу, мол, давай, собирайся, уже домой бы надо. А она мне в ответ:

– Не могу! Как я их брошу? Я – от них, а они – за мной!

Видимо, с давних времён она что-то переняла от Глеба-грибника. Его грибные уроки мы запомнили на всю жизнь. А байкальский лес нас радует ежегодно. Храни, Господь, эту благодатную землю и великое наше море-озеро, бездонное космическое око, глазной хрусталик планеты, живую и трепетную душу Сибири, а может быть – и всей Вселенной.